

«Из искры возгорится пламя!»... Ответ декабристов Пушкину

Ленинская ИСКРА

№ 11(153) ★ ноябрь 2022 г. ★
Основана в декабре 2006 года

Городская общественно-политическая газета 12+

Сергей Сметанин 1966 ПОЭМА О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ Санкт-Петербург 2021

(Продолжение. Начало в № 9-10 за 2022 г.)

Башкирии бескрайние поля
Припомнились и всадники степные,
Желтеющие волны ковыля
И дальних гор отроги голубые.

Национальный праздничный наряд —
Нагрудник из монеток серебристых —
Всё радовало юношеский взгляд
Преданием воспоминаний чистых.

Совхозный, свежестроенный клуб,
Разбитый парк с аллеями из клёна,
Сирень сплошной шпалерой зелёной
И собственный, выдавший виды чуб.

Здесь мы играли в прятки и войну,
А чуть позднее в футбол и вышибалы,
Здесь мальвы тихо кланялись окну
И лёгкая наивность процветала.

Здесь, прочитав о графе Монте-Кристо,
Я древний запах замка обонял
И сам себе шифрованные письма
С усердием великим сочинял.
Здесь летом я ходил по караси,
Зимой бродил по заячьему следу
И здесь, любого школьника спроси,

Торжествовал познание, как победу.

V

Я лето проводил в семье отца,
Он был директор мелкого лесхоза,
Что было для него совсем не проза,
И, как умел, воспитывал мальчика.

Кудрявый, ясноглазый и худой,
С улыбкой белозубо-молодой,
Был награждён и ранен был на фронте,
Шутил: "Усовершенствован в ремонте".

Была простой учительницей мать,
По вечерам тетради проверяла.
За свет (его немало нагорало)
Не надо было деньги начислять.

И я читал запоем по ночам
Островского, Катаева, Жюль-Верна,
Хотя избыток чтения, наверно,
Выводит нас из-под опеки мам.

Мне мама свет тихонько выключала,
Что, в общем, не мешало мне ничуть
С фонариком залезть под одеяло
И дочитать страницу, и уснуть.

В мечтах "про человека-невидимку"
Я пребывал в лирическом жару
И с толстой "Геохимией" в обнимку
Порою просыпался поутру.

Меня влекли свободой философской
Пока не Аристотель и Платон,
А пушкинский Онегин и Дубровский,
В которых был по-детски я влюблён.

Благодаря подобной дружбе с книгой,
Горячим чувствам к письменной строке,
Я шёл вперёд по жизни налегке,
Пренебрегая верою-веригой.

Но думать я об этом не умел,
Захваченный потоком важных дел,
Который, как у каждого мальчишки,
Увенчивали ссадины и шишки.
С утра привычно делал физзарядку,
Потом ходил к колодцу у пруда.
Блестящий ворот, цепь, ведро, вода
Давно не составляли мне загадку.

На коромысле летом два ведра,
Зимой во фляге по снежку на санках...
Ах, жизнь была прекрасна, как игра
Весёлая на солнечных полянках.

Одетый в пресловутый "самострок" —
Не зря у мамы швейная машинка
Растягивала куртке жизни срок,
И вот та куртка снова — как картинка!

Завидовала младшая сестра,
А друг Борис молчал недоумённо.
Я счастлив был тогда определённо,
Была такая славная пора:

Желанья предваряя, в Новый год
В совхозном клубе эрудит старинный
Выигрывал подряд все викторины,
И говорили сверстники:
— Везёт!

Коричневая плитка шоколада,
Серебряное "золото" фольги —
Заслуженная детская награда
Средь ёлочной и праздничной пурги.

Удача догоняла исподволь,
Изображая фарс и неудачу,
И космонавта сыгранную роль
Я вспоминаю и от смеха плачу:

По замыслу ракета пролететь
Должна была посередине зала,
Но, не покинув сцены, там упала,
Где и стояла, вяло, словно плеть.

Теперь же Новый год уже не тот:
Не так нарядна ёлка городская,
Не так таинствен солнечный восход,
Во двор зашедший, зрение лаская,

Не так сверкает снежная постель,
Не так в руке ломается сосулька,
Не так сладка, как прежде, карамель,
Не так румяна праздничная булка.

Не так правдиво старое трюмо
(Оно одно на то имеет право),
И радуется одно лишь эскимо
Да тётушкино свежее какао.

А про одежду, что и говорить:
И брюки-клёш от доброго портного
Моднее куртки, перешитой снова,
Но легче ли соседа удивить?!

Поэтому к пятнадцати годам,
Когда в душе является серьёзность,
Нам грешная близка амбициозность
И лишний интерес к её плодам.

Но я, поверьте, не был гордецом,
Хотя и слишком скромным не казался,
С обычными уроками справлялся,
Короче, не ударил в грязь лицом.

VI

На летние каникулы в тот год
Летели мы на Ан-24 —
Надёжнейший советский самолёт,
Такой, каких и не бывало в мире.

Двух чашек кофе в аэропорту
Объёмом чуть поменьше полстакана
Мне с бабушкой хватило, как ни странно,
И "лайнера устремился в высоту".

В Уфе зелёной через два часа
Мы сели... в тот же час, когда взлетели.
Ну, это ли не чудо в самом деле?
Сменились часовые пояса!

Эх, детство! Сколько лет ни уткло,
Мне волшебство твоё, как прежде, близко
И сквозь твоё прозрачное стекло
На целый мир могу смотреть без риска.

Ты, ты, неповторимый идеал
С наивностью святой и взглядом чистым —
Я мудрой диалектики не знал,
Был бескорыстным материалистом.

Не понимал, зачем бывает ложь,
Зачем бывает долгая обида,
И длился день, приятен и хорош,
Как вечность, уходящая из вида...

Добром и лаской принимал совхоз:
Заветный парк высокою стеною
Вставал навстречу, и свой флаг вознёс
У дома тополь, выращенный мною.

Я бы ещё подробней рассказал —
В деталях, так, как у меня бывает,
Но авторство, увы, не позволяет
Непродуктивно отдалять финал.

Лукавый автор рамки создаёт,
Тайком свою навязывает повесть,
Творит, куёт, работает на совесть,
Под дудку любомудрия поёт.

Так мать её любимое дитя
Заботливо и нежно опекает
И не бранит за вольности, хотя
Не каждому поступку потакает.

Так светлый ум — хронографа оплот,
Заботясь о любви былой могилах,
Наружу грусти выйти не даёт,
Хотя сопротивляться ей не в силах.

Но разум мной руководил иль бес,
Смущённо отвернулись идеалы,
И вот на юный тополь я залез
Вырезывать Её инициалы.

С последней ветки чуть ли не упал.
Отец, увидев, тихо посмеялся,
Но вслух об этом только и сказал:
— Сам с дерева — на дерево забрался!

Понятно, я был мягко пристыжён
(Не всякий опыт жизни нам приятен)
И на такое впредь себя не тратил,
Зато морально стал вооружён.

Наверно, можно лучшее найти
Из груди дорогих воспоминаний,
Когда передо мной, как на экране,
Прошедшего картины и пути.

Типичный школьник, будущий студент,
Ни капельки сомнений не имея,
Что впереди прекрасная аллея
И счастья вечно длящийся момент,

Я думал о любви, как о весне,
О трепетном, идущем в небо древе,
Подснежнике на солнечном пригреве,
О всей моей безбедной стороне.

Я не слышал об этом от друзей —
Сосед Серёжка, сын ветеринара,
Великий читарь, Лермонтову пара,
Мне рассказал:
— Послушай, ротозей,

Ей-ей! Об этом говорят стихами,
Таинственными пишут письменами,
Есть о любви и песни, и кино,
Но всё понять не каждому дано.

И просто так живут на свете люди,
Без книжной романтической любви.
А ты, хоть двести сказок назови,
Возможно, у тебя её не будет.

Я слушал и не слышал, как чудак,
Желая сам с собою разобраться.
Не просто жить на свете просто так,
Когда вам от рожденья лишь пятнадцать!

Я жить хотел, как учат лишь поэты:
Возвышенно, достойно и светло,
Чего мне напитаться повезло,
Чего ловил невольные приметы.

Твардовский, Маяковский, Смеляков
Отсутствием эротики блистали
И подсознание чистым оставляли
От сексуально важных пустяков.

Да, дома (с глаз долой, из сердца — вон)
Я помаленьку забывал о Лене
И снова был охотник и герой
На мировой и сказочной арене.

Отец опять поехал в знойный Крым
Лечить с войны израненную ногу.
Бывало, мама выезжала с ним,
О детворе в душе храня тревогу.

Мы оставались с дедушкой. У нас
Довольно было дел и развлечений:
Дрова колоть, поймать синичку враз,
В пруду купаться без ограничений.

Для дела был готов в любой момент
Сработанный своими же руками
Столярный и слесарный инструмент,
И верстачок с чугунными тисками.

Мой дедушка вставал за верстачок,
Рабочий фартук поправлял на шее,

Учил держать, как надо, молоток
И направлять топорик половчее.

В чулане поджидал велосипед,
Удилища и для рыбалки снасти.
Да много ль в жизни надобно для счастья,
Когда у внуков есть хороший дед!

VII

Хочу просить читателя простить
За потаённый замысел поэмы,
Идею пресловутую раскрыть,
Убрать препоны в пониманье темы.

Я написать задумал о любви
И различать учился без обмана,
Как Пушкин, даль свободного романа
Пред памятью моею визави.

Я видел путь мальчишки-«мудреца»,
Прошедшего свои метаморфозы
Сквозь горький смех и сладостные слёзы,
И всё ж не потерявшего лица.

Стрижом ли промелькнёт на вираже,
Жар-птицей ли приснится в час желаний —
Любовь не завершается в душе,
А переходит в глубь воспоминаний.

Хотелось рассмотреть со всех сторон
Кристаллизованную увлечённость,
Понять её естественный закон
И дряхлого цинизма незаконность.

Тянуло самого себя понять
И женскую волнующую тайну
В душе, соединённую опять
С мелодией, возникшей так случайно.

В какой-то мере это удалось,
В какой-то ждал я большего успеха,
Но так сроднились дело и потеха,
Что, кажется, себя не мыслят врозь.

(Продолжение следует).